

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 3. С. 11–36.

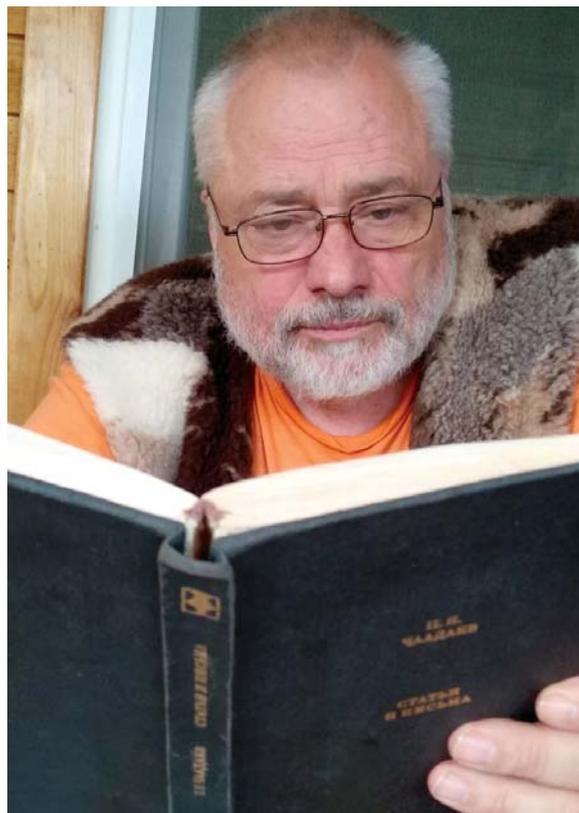
Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2025. Vol. 8, no. 3. P. 11–36.

Научная статья / Original article

УДК 821.161.1

doi:10.17323/2658-5413-2025-8-3-11-36

СТРАШНЫЙ 1918-Й

Владимир Карлович Кантор

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, vlkantor@mail.ru

Аннотация. В своей статье автор рассматривает одну из тяжелейших эпох для России. Мало того, что только отгремела Первая мировая война — по Европе прошла пандемия испанки, унесшая жизнью больше, чем схватки армий, затем в 1918 году по призыву Ленина империалистическую войну русские радикалы превратили в кошмар гражданской, а западные страны, как всегда, мечтали оторвать от России некий кусок территорий. В начавшемся переделе мира ослабевшая Россия явно проигрывала. Один из лучших романов об этой эпохе — «Белая гвардия» Михаила Булгакова. Гражданскую войну герои переживают в Киеве. Киев перед революцией, да и в первые годы после, был одной

из интеллектуальных столиц России, откуда вышли крупнейшие русские мыслители и писатели. Начиная с марта 1917-го по июнь 1920 года власть в городе поменялась четырнадцать раз. Некоторые из тогдашних киевских переворотов были относительно бескровными, другие же стоили жизни немалому числу киевлян. Чехарда сменявшихся с 1917 года правителей — большевики, националисты, немцы, поляки, петлюровцы — была своеобразным мини-Армагеддоном. «Армагеддоном» назвал свою книгу 1918 года Марк Алданов. В статье рассматриваются и другие смыслово очень важные произведения этого года — «Двенадцать» Блока, «Мистерия-буфф» Маяковского и «Апокалипсис нашего времени» Василия Розанова. Именно эти тексты дают представление о том времени. Автор показывает, как русская культура осмысляла тот ужас, что выпал на ее долю.

Ключевые слова: Булгаков, Алданов, Блок, Маяковский, ковчег, Василий Розанов, Кампанелла, Платон, формула Канта, звездное небо

Благодарности. Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: Кантор В. К. Страшный 1918-й // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 3. С. 11–36.
doi:10.17323/2658-5413-2025-8-3-11-36.

From the Editor

THE TERRIBLE YEAR 1918

Vladimir K. Kantor

National Research University “Higher School of Economics” (HSE University),
Moscow, Russia, vlkantor@mail.ru

Abstract. In his article, the author examines one of the most difficult eras for Russia. Not only had the First World War just ended, but the Spanish flu pandemic swept across Europe, taking more lives than the clashes of armies, then in 1918, at Lenin’s call, Russian radicals turned the imperialist war into the nightmare of the

Civil War, Western countries, as always, dreamed of tearing away some piece of territory from Russia. In the redistribution of the world that had begun, a weakened Russia was clearly losing. One of the best novels about this era was Mikhail Bulgakov's "The White Guard." The heroes experience the civil war in Kyiv. Kyiv before the revolution, and the first years after, was one of the intellectual capitals of Russia, from where the greatest Russian thinkers and writers came. From March 1917 to June 1920, power in the city changed fourteen times. Some of the Kyiv coups of that time were relatively bloodless, while others cost the lives of many Kyivans. The cavorting of rulers since 1917 — Bolsheviks, nationalists, Germans, Poles, Petliurists — was a kind of mini-Armageddon. Mark Aldanov called his 1918 book "Armageddon." The article also examines other very important works of that year — "The Twelve" by Blok, "Mystery Buff" by Mayakovsky, and "The Apocalypse of Our Time" by Vasily Rozanov. It is these texts that give an idea of that time. The author shows how Russian culture interpreted the horror that befell it.

Keywords: Bulgakov, Aldanov, Blok, Mayakovsky, ark, Vasily Rozanov, Campanella, Plato, Kant's formula, starry sky

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University "Higher School of Economics" (HSE University).

For citation: Kantor, V. K. (2025) "The Terrible Year 1918," *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 8(3), pp. 11–36. (In Russ.).
doi:10.17323/2658-5413-2025-8-3-11-36.

«**В**елик был год и страшен год по рождестве Христовом 1918, от начала же революции второй. Был он обилен летом солнцем, а зимою снегом, и особенно высоко в небе стояли две звезды: звезда пастушеская — вечерняя Венера и красный, дрожащий Марс» [Булгаков, 2015, с. 9] — так начинается гениальный роман Михаила Булгакова «Белая гвардия» о страшном, непонятном, кровавом периоде в Киеве — городе, от которого пошло российское государство.

Именно в этом году пишет Марк Алданов свой поразительный пророческий текст «Армагеддон».

Хочу сразу отметить, что слово «пророк» я понимаю не в бытовом смысле, не как предсказатель, а в смысле библейском. Это посланник Божий, провоз-

вестник воли Бога, осуждающий людей за то, что они перестали следовать Божьим заповедям. Разумеется, пророков изгоняют и побивают камнями. Но они несут свет, противостоят тьме. Соответственно, Армагеддон — место последней битвы между силами добра и зла, описанной в Апокалипсисе. Слово «Армагеддон» можно перевести как «гора Мегиддо». Замечу, что почти все знаменитые города, в том числе и Киев, расположены на возвышенности. Стоит вспомнить Рим, Лиссабон, Москву, Стамбул, норвежский Берген, Афины на Акрополе. В Киеве есть знаменитая Лысая гора — место, где собираются ведьмы.

Михаил Афанасьевич Булгаков. Ок. 1918

Место, называемое по-древнееврейски Армагеддон

Марк Александрович Алданов. 1925

В «Белой гвардии» Киев назван просто Городом: «Как многоярусные соты, дымился, и шумел, и жил Город. Прекрасный в морозе и тумане на горах, над Днепром» [Булгаков, 2015, с. 47]. Надо сказать, что Киев перед революцией, да и в первые годы после нее, был одной из интеллектуальных столиц России, откуда вышли крупнейшие русские мыслители и писатели, начиная с того же Михаила Булгакова. Алданов (Марк Александрович Ландау) тоже киевлянин. Еще стоит добавить Николая Бердяева, Льва Шестова, Илью Эренбурга, Александра Вертинского, Максимилиана Волошина, режиссера Владимира Бортко, великого пианиста Владимира Горовица, Казимира Малевича, Константина Паустовского, изобретателя вертолета Игоря Сикорского, знамени-

того монархиста Василия Шульгина, перечень можно продолжить. Но хочу сказать, что именно в Киеве в 1911 году был застрелен великий русский реформатор Петр Аркадьевич Столыпин. Фраза Николая Гумилева в этом контексте обретает странную реальность:

Из логова змиева,
Из города Киева,
Я взял не жену, а колдунью.

[Гумилев, 1998]

Похоже, что в этом городе состоялся роман Анны Ахматовой и Николая Гумилева, обвенчавшихся в 1910 году.

Киев — как логово змиево. Но люди там, в этом логовое, вырастали удивительные, несшие в себе выработанное противоядие против змеиного удара. А змеиные удары были непрестанны. Начиная с марта 1917-го по июнь 1920 года власть в городе менялась четырнадцать раз. Некоторые из тогдашних киевских переворотов были относительно бескровными, другие же — стоили жизни немалому числу киевлян. Как пишут историки, поначалу была власть

Николай Гумилев и Анна Ахматова

Временного правительства, буквально сошедшего с ума после февральского переворота, опьяненного «свободой». Символическим олицетворением павшего царского режима для многих киевлян был стоявший на главной площади города уже пять лет памятник Петру Столыпину. Этот памятник подвергли «казни через повешение» в первые же недели революции. Подготовка длилась два дня, а на третий статую сбросили с пьедестала. Эта чехарда сменявшихся с 1917 года правителей — и большевики, и националисты, и немцы, и поляки, и петлюровцы — была своеобразным мини-Армагеддоном. И было непонятно, какая из сил являет Добро, а какая Зло.

Армагеддон перешел в Апокалипсис.

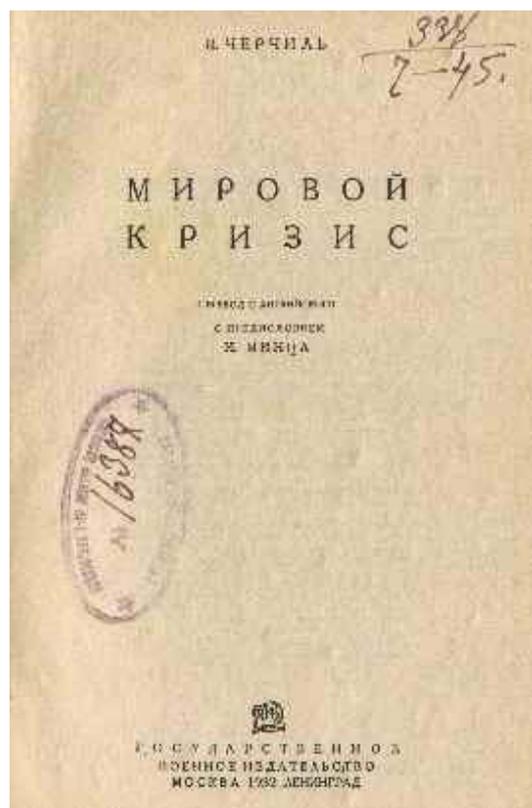
* * *

Но катастрофа началась не с Киева. Распадалась Россия, а Малороссия и Киев — это жесткие отзвуки всероссийской катастрофы, точнее сказать, катастрофы общеевропейской, катастрофы как результата Первой мировой войны, одной из самых страшных войн в истории человечества. Шел, начиная с 1914 года, страшный передел мира. Россия в этой схватке проиграла. Великий британский политик в книге «Мировой кризис» писал:

Россия оставалась верным и могущественным союзником. В течение почти трех лет она задерживала на своих фронтах больше половины всех неприятельских дивизий и в этой борьбе потеряла убитыми больше, чем все прочие союзники, взятые вместе. Победа Брусилова в 1916 году оказала важную

услугу Франции. (...) Но Россия упала на полдороге, и во время этого падения совершенно изменила свой облик. Вместо старого союзника перед нами стоял призрак, не похожий ни на что существовавшее до сих пор на земле. Мы видели государство без нации, армию без отечества, религию без бога. Правительство, возымевшее претензию представлять в своем лице новую Россию, было рождено революцией и питалось террором. (...) Старая Россия была сметена с лица земли, и вместо нее пришло к власти «безымянное чудовище», предсказанное в русских народных преданиях.

[Черчилль, 1932, с. 27]

Впрочем, задолго до Черчилля смысл этой чудовищной бойни попытался понять Марк Алданов, историк и писатель. Он понял, что вышедший на волю зверь будет злодействовать и лить кровь, пока не обессилит. И точно, как того хотел Ленин, так называемая империалистическая война в России перешла в войну гражданскую, еще более страшную и кровавую:

Экономическое наследие войны ужасно. Но моральное много хуже. (...) Народы, так блистательно срезавшиеся на экзамене умственной зрелости 1914 г., развращены войною глубоко и надолго. Европа изолгалась и одичала. Цвет поколения провел четыре года в кровавой праздности траншей, утратил привычку к мирному производительному труду, свыкся со всеми формами самых отвратительных преступлений. Зверь разбужен и вышел на волю.

[Алданов, 2006, с. 107]

Война эта длилась еще четыре года. В этот страшный кровавый морок попадает русская интеллигенция, и семья Турбиных — это семья Михаила Булгакова, роман его в значительной степени автобиографический. Начинается он со смерти матери, отец, профессор богословия умер раньше, но все члены семьи — люди верующие. Младший брат героя, «оглушенный смертью» матери,

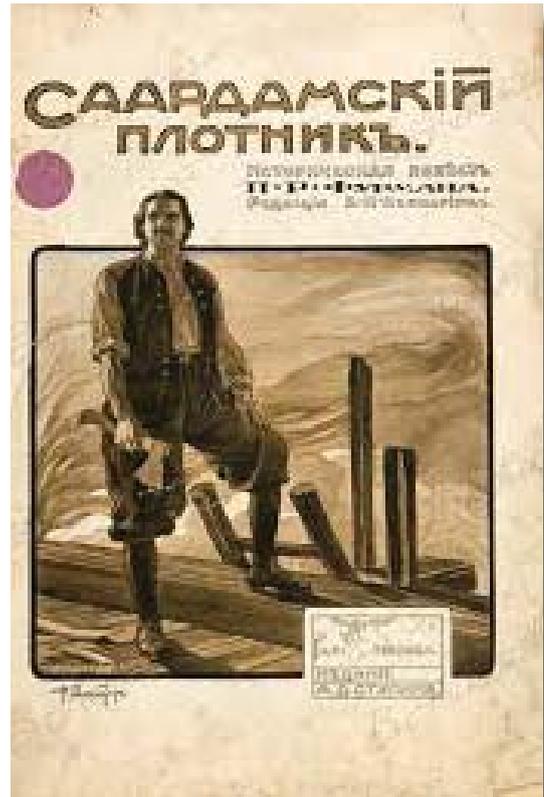
смотрел «на иконостас, на тонущий в полумраке свод алтаря, где возносился печальный и загадочный старик бог». Практически с первых строчек читатель попадает в атмосферу быта петровско-пушкинской интеллигенции:

Много лет до смерти, в доме № 13 по Алексеевскому спуску, изразцовая печка в столовой грела и растила Еленку маленькую, Алексея старшего и совсем крошечного Николку. Как часто читался у пышущей жаром изразцовой площади «Саардамский Плотник», часы играли гавот, и всегда в конце декабря пахло хвоей, и разноцветный парафин горел на зеленых ветвях. В ответ бронзовым, с гавотом, что стоят в спальне матери, а ныне Еленки, били в столовой черные стенные башенным боем. Покупал их отец давно, когда женщины носили смешные, пузырьчатые у плеч рукава. Такие рукава исчезли, время мелькнуло, как искра, умер отец-профессор, все выросли, а часы остались прежними и били башенным боем. К ним все так привыкли, что, если бы они пропали как-нибудь чудом со стены, грустно было бы, словно умер родной голос и ничем пустого места не заткнешь. Но часы, по счастью, совершенно бессмертны, бессмертен и Саардамский Плотник, и голландский изразец, как мудрая скала, в самое тяжелое время живительный и жаркий.

[Булгаков, 2015, с. 10]

Саардамский плотник, он же Петр Великий, строитель европейской России, ангел-хранитель семьи Турбиных. И ощущение, что пока есть Саардамский плотник, они всё выдержат. И поддержка духовная, отец Александр, окормлявший все семейство. К нему беседовать ходит старший сын, врач-гинеколог, в последние годы ставший военным врачом:

Как-то, в сумерки, вскоре после похорон матери, Алексей Турбин, придя к отцу Александру, сказал:

Петр Романович Фурман (1816–1856).
Саардамский плотник

— Да, печаль у нас, отец Александр. Трудно маму забывать, а тут еще такое тяжелое время. Главное, ведь только что вернулся, думал, наладим жизнь, и вот...

Он умолк и, сидя у стола, в сумерках, задумался и посмотрел вдаль. Ветви в церковном дворе закрыли и домишко священника. (...)

— Уныния допускать нельзя, — конфузливо, но как-то очень убедительно проговорил он. — Большой грех — уныние... Хотя кажется мне, что испытания будут еще. Как же, как же, большие испытания, — он говорил все увереннее.

Альбрехт Дюрер. Апокалипсис. Битва архангела Михаила с драконом. 1498

— Я последнее время все, знаете ли, за книжечками сижу, по специальности, конечно, больше всего богословские...

Он приподнял книгу так, чтобы последний свет из окна упал на страницу, и прочитал:

— «Третий ангел вылил чашу свою в реки и источники вод; и сделалась кровь».

[Булгаков, 2015, с. 11]

После этой прочитанной фразы из Апокалипсиса, собственно, и начинается роман. Фраза задает тон повествованию.

На город наступают националисты Петлюры, убивающие русских офицеров, грабящие русское население, и муж сестры Елены, прибалтийский немец Тальберг, бежит из Города с отступающими немецкими войсками. И возникает еще одна из сквозных тем Булгакова — тема Фауста, от оперы Гуно, которую постоянно слушают герои «Белой гвардии», до эпиграфа из гётевской драмы к «Мастеру и Маргарите». Героев сопровождают звуки этой оперы:

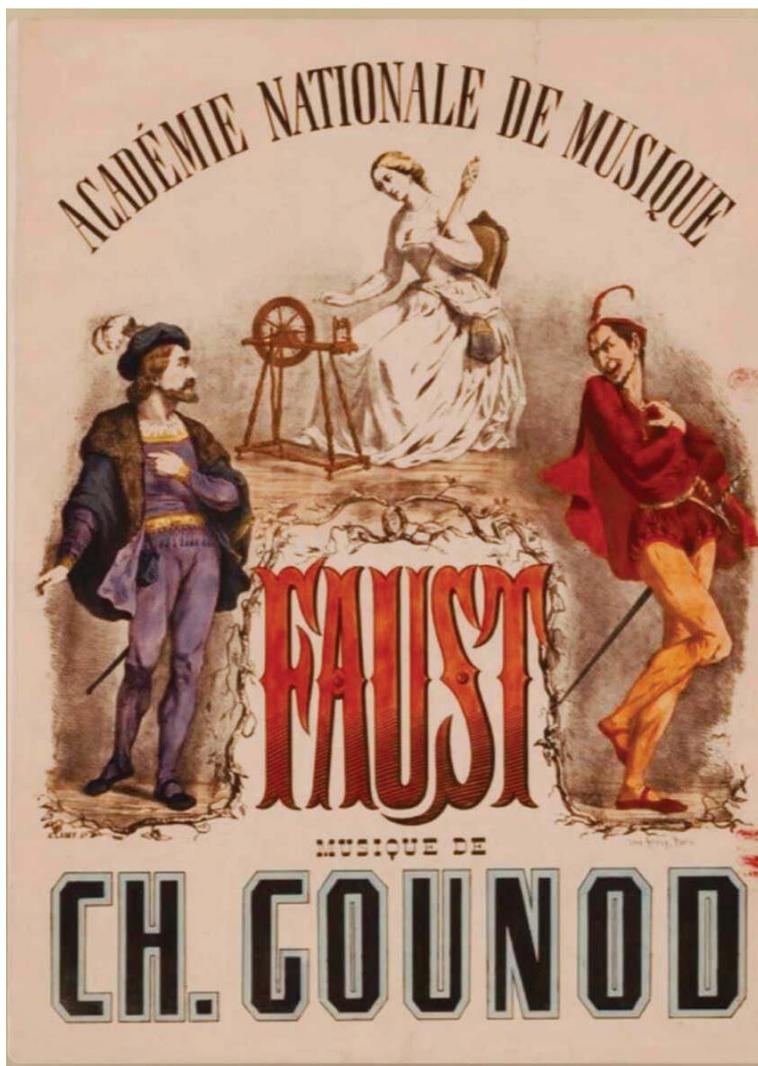
В бронзовой лампе вспыхнул розовый свет и залил весь угол. Пианино показало уютные белые зубы и партитуру «Фауста» там, где черные нотные закорючки идут густым черным строем и разноцветный рыжебородый Валентин поет:

Я за сестру тебя молю,
Сжался, о, сжался ты над ней!
Ты охраняй ее.

Даже Тальбергу, которому не были свойственны никакие сентиментальные чувства, запомнились в этот миг и черные аккорды, и истрепанные страницы вечного «Фауста». Эх, эх... Не придется больше услышать Тальбергу каватины про бога всемогущего, не услышать, как Елена играет Шервинскому аккомпанемент! Всё же, когда Турбиных и Тальберга не будет на свете, опять зазвучат клавиши, и выйдет к рампе разноцветный Валентин, в ложах будет пахнуть духами, и дома будут играть аккомпанемент женщины, окрашенные светом, потому что «Фауст», как «Саардамский Плотник», — совершенно бессмертен.

[Булгаков, 2015, с. 29]

Конечно, бессмертен Саардамский плотник, бессмертен Фауст, искатель смысла жизни, но бессмертен и дьявол. Он не поборол Фауста, уклонился от

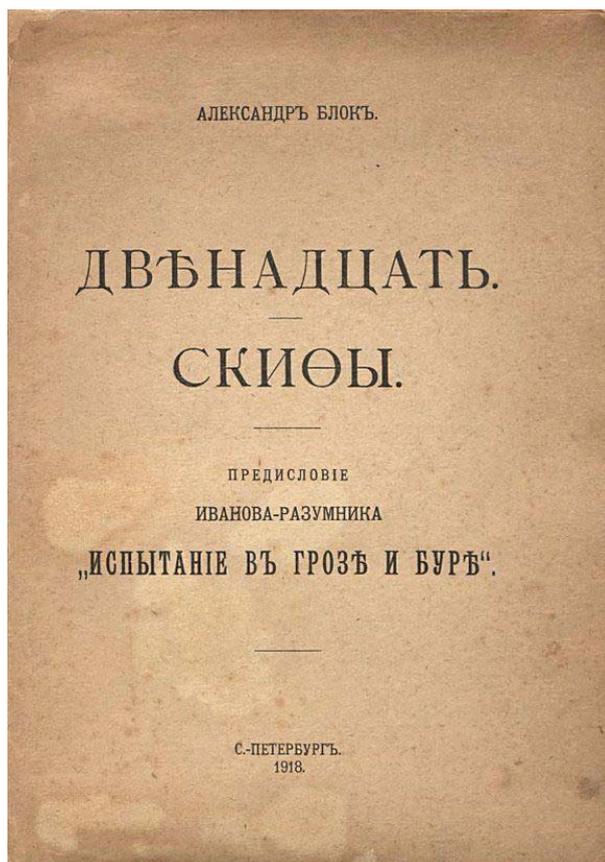
Саардамского плотника, но свою жестокую борьбу с человечеством продолжает. И мировая война — дело его рук. Но возможно ли предугадать его действия? Алданов предложил свое понимание дьявольского вмешательства в жизнь человечества. В 1918 году он выдвинул свою концепцию философии истории:

На троне теперь сидит его величество случай, определяющий и исход войны, от которого и зависит все остальное... Ошибка вершителей судьбы Европы, затеявших эту безумную войну, заключается в том, что они считают свою власть основанной на каком-то незыблемом принципе (...). Мы видим перед собою страшные кольца змея великой войны; стоглавый змей мировой пугачевщины может скоро вползти на арену. Какое из чудовищ победит? Какой ужасный дракон родится в результате поединка? Социалистический строй, говорят наши глубокомысленные пораженцы. Дракон всемирного одичания, склонен думать я.

[Алданов, 2006, с. 45–46]

Александр Александрович Блок (1880–1921)

* * *

Пугачевщина и родилась. Одним из первых это почувствовал, увидел и изобразил Александр Блок в гениальной и двусмысленной поэме «Двенадцать», написанной в январе страшного 1918-го. Блок открыл новую картину русского переживания революции.

Гуляет ветер, порхает снег.
Идут двенадцать человек.

Винтовок черные ремни,
Кругом — огни, огни, огни...

В зубах — цыгарка, примят картуз,
На спину б надо бубновый туз!

Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!

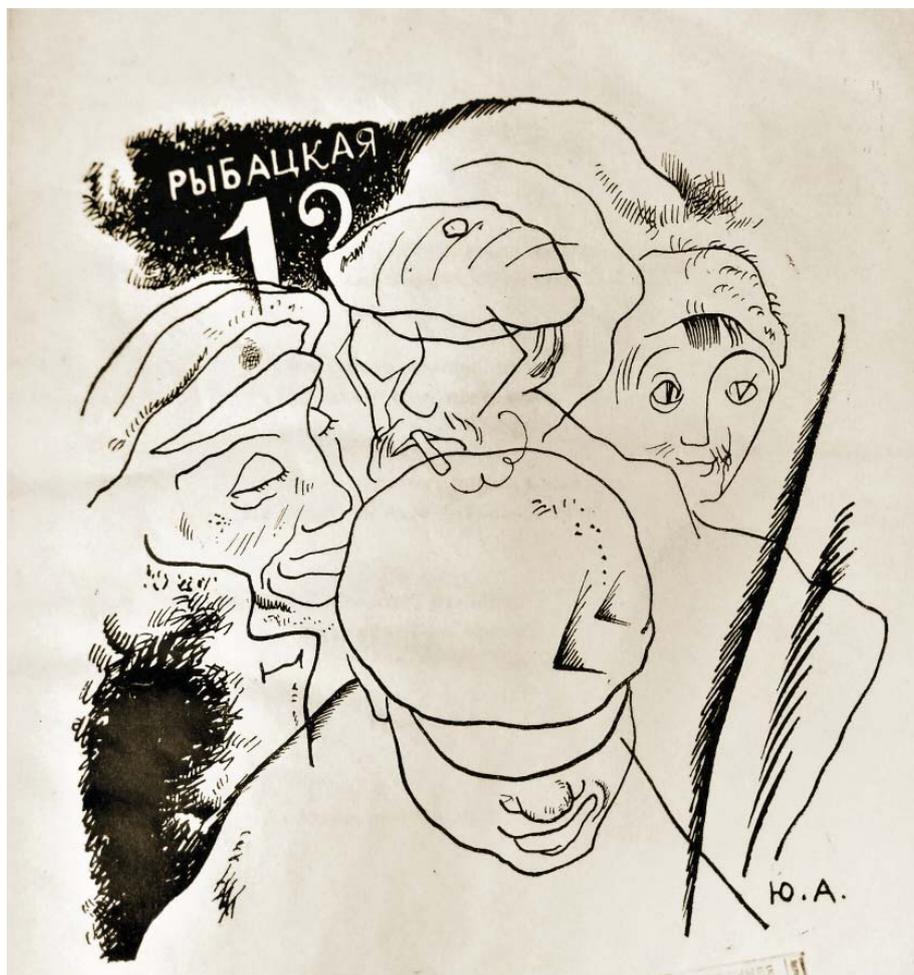
[Блок, 1999, с. 11]

Сплошные переосмысления важных блоковских символов, скажем, «прекрасная дама» превращается в проститутку Катю. Ее убивают как классового врага.

В кружевном белье ходила —
Походи-ка, походи!
С офицерами блудила —
Поблуди-ка, поблуди!

Эх, эх, поблуди!
Сердце екнуло в груди!

Помнишь, Катя, офицера —
Не ушел он от ножа...
Аль не вспомнила, холера?
Али память не свежа?
<...>

А Катька где? — Мертва, мертва!
Простреленная голова!

Что, Катька, рада? — Ни гу-гу...
Лежи ты, падаль, на снегу!

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

[Блок, 1999, с. 14–15]

Вчерашняя прекрасная дама становится падалью. На этом фоне слова о революционном шаге наполняются страшным смыслом. Получается, что неугомонный враг — это проститутка. Не менее гнусное изображение православного священника:

А вон и долгополый —
Сторонкой — за сугроб...

Катька. Рис. Ю. П. Анненкова

Что нынче невеселый,
Товарищ поп?

Помнишь, как бывало
Брюхом шел вперед,
И крестом сияло
Брюхо на народ?..

[Блок, 1999, с. 9]

Вся мистерия христианства тут падает в комедийную бездну. Это ясно из издевательской концовки поэмы. Почти с приплясом. И ведет бандитов, новых апостолов, не страдалец, не мученик в терновом венце, не трагический герой, а шут, карнавальный король «в белом венчике из роз», не Иисус, а Исус.

...Так идут державным шагом,
Позади — голодный пес,
Впереди — с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули невредим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз
Впереди — Исус Христос.

[Блок, 1999, с. 20]

Новые хозяева жизни, новые oprичники, и Христос с кровавым флагом.

* * *

Впрочем, еще в 1915 году в потрясающей поэме «Облако в штанах», на чтении которой рыдал Максим Горький, хулиганствующий двадцатидвухлетний Маяковский отхамил Господу Богу:

Я думал — ты всеильный божище,
а ты недоучка, крохотный божик.
Видишь, я нагибаюсь,
из-за голенища
достаю сапожный ножик.
Крыластые прохвосты!

Жмитесь в раю!
Ерошьте перышки в испуганной тряске!
Я тебя, пропахшего ладаном, раскрою
отсюда до Аляски!

[Маяковский, 1955-1961, т. 1, с. 195-196]

В 1917 он обещал человечеству:

Мы разливом второго потопа
перемоем миров города.

[Маяковский, 1955-1961, т. 2, с. 7]

А в 1918-м задумался о Ковчеге спасения. Этот библейский, но антихристианский пафос оказался по душе захватившим в России власть большевикам. И в 1918 году Маяковскому заказал тогдашний нарком просвещения Анатолий Луначарский пьесу — «Мистерию-буфф» — шарж на библейский сюжет Ковчега. Пьесу было велено поставить в Александринском театре, но актеры, присутствовавшие на мейерхольдовской читке, категорически отказались играть футуристический и богохульный текст. В ситуацию вмешалась жена Максима Горького Мария Федоровна Андреева, занимавшая должность комиссара театров и зрелищ Петрограда. Спектакль сделали в срочном порядке в Театре му-

зыкальной драмы. Сценографию и костюмы сочинил Казимир Малевич, а актеров набирали по объявлениям. Сам Маяковский сыграл Мафусаила и черта.

В столкновении попавших на Ковчег «чистых» (буржуев) и «нечистых» (пролетариев разного рода), разумеется, побеждают «нечистые». Пьеса начинается с вопля нечистых:

Нам написали Евангелие,
Коран,
«Потерянный и возвращенный рай»,
и еще,
и еще —
многое множество книжек.

КОММУНАЛЬНЫЙ ТЕАТР МУЗЫКАЛЬНОЙ ДРАМЫ.

7,8 НОЯБРЯ 1/2.
МЫ ПОЭТЫ, ХУДОЖНИКИ, РЕЖИССЕРЫ И АКТЕРЫ
ПРАЗДНУЕМ ДЕНЬ ГОДОВЩИНЫ
ОКТАБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
Революционным спектаклем,
нами будет дана:

I КАРТ. БЕЛЫЕ И ЧЕРНЫЕ БЕГУТ ОТ КРАСНОГО ПОТОПА.

II КАРТ. КОВЧЕГ. ЧИСТЫЕ ПОДСОБЫВАЮТ НЕЧИСТЫМ ЦАРЯ И РЕСПУБЛИКУ. САМИ УВИДИТЕ ЧТО ИЗ ЭТОГО ПОЛУЧАЕТСЯ.

III КАРТ. АД В КОТОРОМ РАБОЧИЕ САМОГО ВЕЛЬЗЕВУЛА К ЧЕРТЯМ ПОСЛАЛИ

IV КАРТ. РАЙ. КРУПНЫЙ РАЗГОВОР БАТРАКА С МАФУСАИЛОМ.

V КАРТИНА. КОМУНА! СОЛНЕЧНЫЙ ПРАЗДНИК ВЕЩЕЙ И РАБОЧИХ

РАСКРАШЕН МАЛЕВИЧЕМ
ПОСТАВЛЕН МЕЙЕРХОЛЬДОМ
И МАЯКОВСКИМ
РАЗЫГРАНО ВОЛЬНЫМИ АКТЕРАМИ

„!МИСТЕРИЯ БУФФ!“

ГЕРОИЧЕСКОЕ, ЭПИЧЕСКОЕ И САТИРИЧЕСКОЕ
ИЗОБРАЖЕНИЕ НАШЕЙ ЭПОХИ, СДЕЛАННОЕ
В. МАЯКОВСКИМ.

Билеты на 7-е и 8-е ноября в распоряжении ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО.

9-го ноября „МИСТЕРИЯ-БУФФ“ открытый спектакль.
НАЧАЛО В 6 ЧАС ВЕЧЕРА.

Афиша спектакля «Мистерия-буфф». 1918

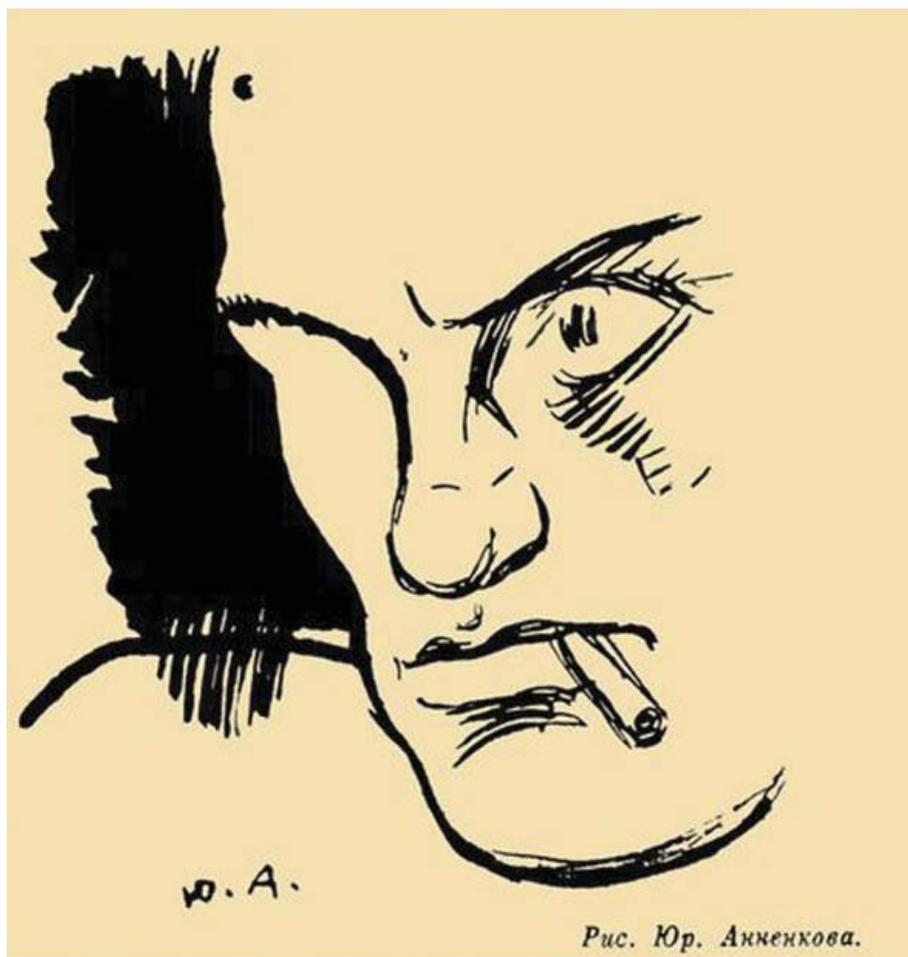
Каждая — радость загробную сулит, умна и хитра.
Здесь,
на земле хотим
не выше жить
и не ниже
всех этих елей, домов, дорог, лошадей и трав.
Нам надоели небесные сласти —
хлебище дайте жрать ржаной!
Нам надоели бумажные страсти —
дайте жить с живой женой!

[Маяковский, 1955–1961, т. 2, с. 169–170]

Последнее четверостишие восхитило Великого провокатора Хулио Хуренито, которого воспел в 1921 году Илья Эренбург. В конце пьесы изображена казнь Бога Доллара и обещается построение города Солнца. Как мы знаем, о городе Солнца в революционные эпохи твердили все делатели нового, забывая прошлые попытки.

Чего волами подъяремными мычали?
Ждали,
ждали,
ждали года
и никогда не замечали
под боком такую благодать.
И чего это люди лезят в музеи?
Живое сокровище на сокровище вокруг.
Что это — небо или кусок бумагеи?
Если это дело наших рук,
то какая дверь перед нами не отворится?
Мы — зодчие земель,
планет декораторы,
мы — чудотворцы.
Лучи перевяжем пучками мётел,
чтоб тучи небес электричеством вымести.
Мы реки миров расплещем в мёде,
земные улицы звездами вымостим.

[Маяковский, 1955–1961, т. 2, с. 239–240]

Ю. П. Анненков. Маяковский

Непонятый в свое время Марк Алданов в том же 1918 году написал:

Мечта о земном рае покрыта пылью веков. Первым социалистом был, вероятно, Адам...

Нынешний строй не вечен, — это совершенно несомненно. В строе, который придет ему на смену, будут преобладать формы коллективного владения, — это весьма вероятно. Новый строй принесет людям больше материального благосостояния, — это вполне возможно. Но как он наступит и через сколько времени, — вот вопрос, многочисленные ответы на который представляют собой одну из интереснейших страниц в истории человеческого незнания.

Несколько примеров наудачу.

Когда старик Платон, называемый обыкновенно божественным, хотя это был, в сущности, очень земной философ, отправлялся в Сиракузы к мудрому тирану Дионисию, он был уверен, что, проникшись силой его доводов, просвещенный правитель Сицилии осуществит в своей земле принципы коммунистической республики и тем самым откроет новую счастливую эру бедству-

ющему человеческому роду. Однако Дионисий Сиракузский оказался другого мнения — и Платона, как известно, постигли большие неприятности. Проданный в рабство, он спасением своим был обязан лишь дружбе киринеянина Аннихериса, который на эгинском базаре купил знаменитого мудреца за 20 мин, что, разумеется, было недорого. Печальные обстоятельства, однако, не поколебали веры Платона в близость коммунистического переворота и много лет спустя, по смерти Дионисия Старшего, он вторично отправился в Сиракузы с тем же предложением к новому просвещенному тирану Дионисию Младшему, который принял его не лучше.

Совершенно так же, как Платон, был уверен в близости социалистического строя благочестивый доминиканский монах Томмазо Кампанелла, автор гремевшей когда-то книги «Civitas Solis» (Город Солнца). Этот калабрийский Ленин 16-го столетия организовал большой политический заговор с целью замены существовавшего в Неаполе строя коммунистической республикой посредством военного восстания. История повторяется. Картина заговора Кампанеллы до мелочей сходна с тем, что происходило в Петербурге в дни 3–5 июля 1917 г. Для осуществления плана Кампанелла предполагал напасть со своими приверженцами на страшную неаполитанскую тюрьму («Кресты» той эпохи назывались «Яйцом» — *l'ovo*), выпустить политических заключенных, а заодно воров и бандитов, захватить с их помощью правительственные учреждения, сжечь все бумаги (это очень характерно), а затем, расправившись с иезуитами, к которым он относился приблизительно так, как большевики к «меньшевикам и правым эс-эрам», приступить к организации общества на новых коммунистических началах. Желая обеспечить успех своему предприятию, Кампанелла, человек исключительного бескорыстия, счел возможным войти в соглашение с могущественным внешним врагом, с турецким визирем

Восстание, однако, не удалось. Вице-король неаполитанский, граф Демос (Керенский калабрийской революции), быстро собрал войска и разбил заговорщиков. Кампанелла пытался бежать на турецкий военный корабль, но — не может же история повторяться буквально — радость спасения и реванша не была уготована несчастному монаху. Пойманный и подвергнутый тяжелой пытке, он провел в том же «Яйце» 27 лет жизни. Вера его в близость коммунистического строя, как и у Платона, не поколебалась от испытаний.

[Алданов, 2006, с. 74–76]

Но движение к будущему с точки зрения ницшеанствующего русского хулигана предполагало злодейское уничтожение прошлого. Маяковский:

А мы —
не Корнеля с каким-то Расином —
отца, —
предложи на старье меняться, —
мы
и его
обольем керосином
и в улицы пустим —
для иллюминаций.

[Маяковский, 1955–1961, т. 2, с. 21]

А что стоят его слова мясника-людоеда из «Облака»: «Выше вздымайте, фонарные столбы, / окровавленные туши лабазников»! [Маяковский, 1955–1961, т. 1, с. 189]. Эти слова означали, думаю я, провал в «преисподнюю небытия» (Ф. Степун). Дьявольщины в творчестве Маяковского было предостаточно. И, конечно, главной дьяволицей была Лиля Брик. По слухам, она была и агентом органов. Но это другая тема.

В 1918 году Василий Розанов начал издавать удивительную книгу:

Мною с 15 ноября будут печататься двухнедельные или ежемесячные выпуски под общим заголовком: «Апокалипсис нашего времени». Заглавие, не требующее объяснений, ввиду событий, носящих не мнимо апокалипсический характер, но действительно апокалипсический характер. Нет сомнения, что глубокий фундамент всего теперь происходящего заключается в том, что в европейском (всем, — и в том числе русском) человечестве образовались колоссальные пустоты от бывшего христианства; и в эти пустоты проваливается все: троны, классы, сословия, труд, богатства. Всё потрясено, все потрясены. Все гибнут, всё гибнет. Но все это проваливается в пустоту души, которая лишилась древнего содержания.

[Розанов, 2000, с. 5]

Как выбраться из этого провала? На что опереться, за что ухватиться? Христианство в течение столетий было своего рода опорой для человека, ищущего смысл жизни. Розанов фиксирует страшную ситуацию тотального провала в пустоту.

Но было решение, почти мистическое.

В «Белой гвардии» Булгаков неожиданно рисует картину спасения даже лютых противников. Военврачу Алексею Турбину снится рай, где он сталкивается со своим погибшим в бою вахмистром и беседует с ним:

Вахмистр рассмеялся возбужденно и радостно взмахнул руками.

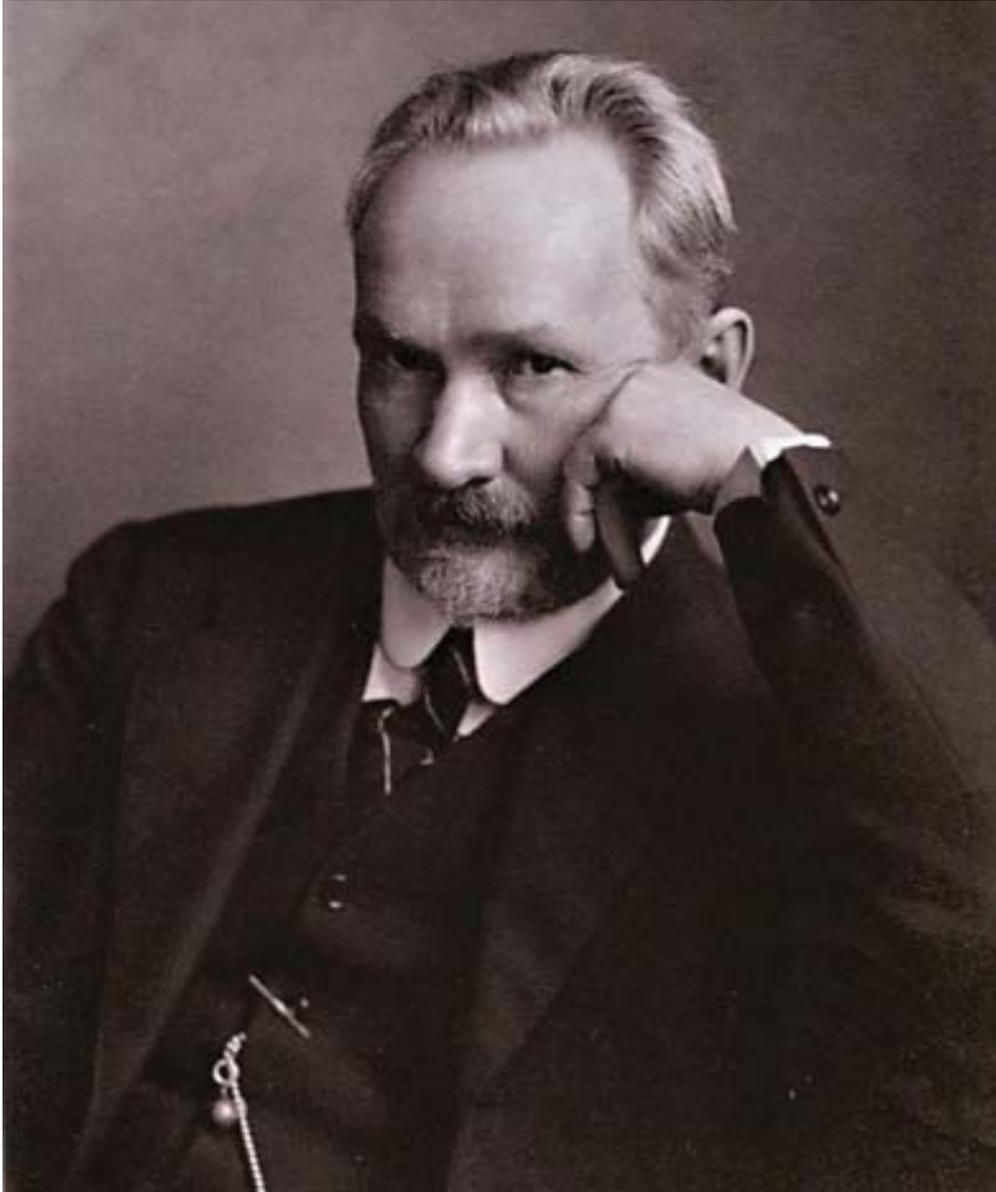
— Господи боже мой, господин доктор. Места-то, места-то там, ведь видимо-невидимо. Чистота... По первому обозрению говоря, пять корпусов еще можно поставить и с запасными эскадронами, да что пять — десять! Рядом с нами хоромы, батюшки, потолков не видно! Я и говорю: а разрешите, говорю, спросить, это для кого же такое? Потому оригинально: звезды красные, облака красные в цвет наших чакчир отливают... «А это, — говорит апостол Петр, — для большевиков, с Перекопу которые». <...>

— Большевиков? — смутилась душа Турбина. — Путаете вы что-то, Жилин, не может этого быть. Не пустят их туда.

— Господин доктор, сам так думал. Сам. Смутился и спрашиваю Господа Бога...

— Бога? Ой, Жилин!

— Не сомневайтесь, господин доктор, верно говорю, врать мне нечего, сам разговаривал неоднократно. <...>

Василий Васильевич Розанов (1856–1919)

Ну вот-с я и докладываю, как же так, говорю, Господи, попы-то твои говорят, что большевики в ад попадут? Ведь это, говорю, что ж такое? Они в тебя не верят, а ты им вишь какие казармы взбодрил.

«Ну, не верят?» — спрашивает.

«Истинный бог», — говорю, а сам, знаете ли, боюсь, помилуйте, Богу этикие слова! Только гляжу, а он улыбается. Чего ж это я, думаю, дурак, ему докладываю, когда он лучше меня знает. Однако любопытно, что он такое скажет. А он и говорит:

«Ну не верят, — говорит, — что ж поделаешь. Пуцдай. Ведь мне-то от этого ни жарко, ни холодно. Да и тебе, — говорит, — тоже. Да и им, — говорит, — тоже самое. Потому мне от вашей веры ни прибыли, ни убытку. Один верит, дру-

гой не верит, а поступки у вас у всех одинаковые: сейчас друг друга за глотку, а что касается казарм, Жилин, то тут так надо понимать, все вы у меня, Жилин, одинаковые — в поле брани убиенные. Это, Жилин, понимать надо, и не всякий это поймет. Да ты, в общем, Жилин, — говорит, — этими вопросами себя не расстраивай. Живи себе, гуляй».

[Булгаков, 2015, с. 65–66]

На первый взгляд, этот отрывок — просто вставка в текст романа, не имеющая прямого отношения к действию. Да и вахмистр Жилин больше нигде не появляется. Странный промельк. Я уж не говорю о Боге, беседующем с Жилиным. Бог и Мать-заступница участвуют в судьбе героев. Елена молится Божьей Матери о спасении брата. И небесные силы помогают Турбиным.

* * *

Гениальная концовка романа возвращает нас к великой кантовской формуле: звездное небо надо мной и моральный закон во мне. Вот последние строчки:

Последняя ночь расцвела. Во второй половине ее вся тяжелая синева, занавес Бога, облекающего мир, покрылась звездами. Похоже было, что в неизмеримой высоте за этим синим пологом у царских врат служили всеобщую. В алтаре зажигали огоньки, и они проступали на завесе целыми крестами, кустами и квадратами. Над Днепром с грешной и окровавленной и снежной земли поднимался в черную, мрачную высь полночный крест Владимира. Издали казалось, что поперечная перекладина исчезла — слилась с вертикалью, и от этого крест превратился в угрожающий острый меч.

Но он не страшен. Всё пройдет. Страдания, муки, кровь, голод и мор. Меч исчезнет, а вот звезды останутся, когда и тени наших тел и дел не останется на земле. Нет ни одного человека, который бы этого не знал. Так почему же мы не хотим обратить свой взгляд на них? Почему?

[Булгаков, 2015, с. 256–257]

Проходят столетия. Но ответа нет как нет.

Список источников

Алданов Марк. Армагеддон. М.: НПК «ИНТЕЛВАК», 2006. 607 с.

Блок А. А. Полное собрание сочинений в 20 томах. М.: Наука, 1999. Т. 5. 563 с.

Булгаков М. А. Белая гвардия. М.: Ладомир, 2015. 824 с.

Гумилев Н. С. Из логова змиева // Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений в десяти томах. М.: Воскресенье, 2008. Т. 2. С. 36.

Маяковский В. В. Полное собрание сочинений в 13 томах. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955–1961. 13 т.

Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. М.: Республика, 2000. 429 с.

Черчилль В. Мировой кризис. М.–Л.: Государственное военное издательство, Типография «Печатный Двор», 1932. XIX, 328 с.

References

Aldanov, Mark (2006) *Armageddon*. Moscow: NPK “INTELVAK”.

Blok, A. A. (1999) *Polnoye sobraniye sochinenii v 20 tomakh. Tom 5 [Complete Works in 20 vols. Vol. 5]*. Moscow: Nauka Publ.

Bulgakov, M. A. (2015) *Belaya gvardiya [White Guard]*. Moscow: Ladomir.

Gumilev, N. S. (2008) “Iz logova zmiyeva” [“From the serpent’s lair”], in Gumilev, N. S. *Polnoye sobraniye sochinenii v desyati tomakh. Tom 2 [Complete Works in ten vols. Vol. 2]*. Moscow: Voskresenye, p. 36.

Mayakovskii, V. V. (1955–1961) *Polnoye sobraniye sochinenii v 13 tomakh [Complete Works in 13 vols]* (13 vols). Moscow: Gosudarstvennoye izdatel’stvo khudozhestvennoi literatury [State Publishing House of Fiction].

Rozanov, V. V. (2000) *Apokalipsis nashego vremeni [Apocalypse of Our Time]*. Moscow: Respublika.

Cherchil’, V. (1932) *Mirovoi krizis [World Crisis]*. Moscow – Leningrad: Gosudarstvennoye voyennoye izdatel’stvo, Tipografiya “Pечатnyi Dvor” [State Military Publishing House, Printing House “Pечатny Dvor”].

Информация об авторе: Владимир Карлович Кантор — доктор философских наук, ординарный профессор, главный научный сотрудник, заведующий Международной лабораторией русско-европейского интеллектуального диалога, главный редактор журнала «Философические письма. Русско-европейский диалог», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, каб. 215.

Information about the author: Vladimir K. Kantor — DSc in Philosophy, Full Professor, Chief Research Fellow, the Head of International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, Editor-in-Chief of the journal “Philosophical Letters. Russian and European Dialogue”, National Research University “Higher

School of Economics” (HSE University). Address: 215, 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.07.2025;
одобрена после рецензирования 01.09.2025;
принята к публикации 10.09.2025.

The article was submitted 21.07.2025;
approved after reviewing 01.09.2025;
accepted for publication 10.09.2025.